

Барон

Барон — центральный персонаж трагедии А.С. Пушкина «Скупой рыцарь», отец молодого рыцаря Альбера; воспитан прежней эпохой, когда принадлежать к рыцарству значило прежде всего быть смелым воином и богатым феодалом, а не служителем культа прекрасной дамы и участником придворных турниров. Старость освободила Барона от необходимости надевать латы (хотя в финальной сцене он и выражает готовность в случае войны обнажить меч за Герцога). Зато любовь к золоту переросла в страсть.

Впрочем, не деньги как таковые влекут к себе Барона — но мир идей и чувств, с ними связанных. (Это резко отличает образ Барона от многочисленных «скупцов» русской комедии конца XVIII века и даже от «Скопихина» Г. Державина, эпитафия из которого был первоначально предпослан трагедии; «скрещение» комедийно-сатирического типа скупца и «высокого» накопителя типа Барона произойдет в образе Плюшкина в «Мертвых душах» Гоголя.) Во второй, центральной сцене трагедии Барон спускается в свой подвал (метафора дьявольского святилища, алтаря преисподней), чтобы сыпать горсть накопленных монет в шестой сундук — «еще неполный». Здесь он, по существу, исповедуется перед золотом и перед самим собою; затем зажигает свечи и устраивает «пир» (сквозной образ «Маленьких трагедий») для глаз и для души — то есть совершает некое таинство, служит своего рода мессу золоту.

Этому «мистическому» подтексту соответствуют евангельские парафразы в исповеди персонажа. Груды золота напоминают Барону «гордый холм», с которого он мысленно взирает на все, что ему подвластно. То есть на весь мир. И чем ниже подвал, чем согбеннее поза Барона, склонившегося над золотом, — тем выше возносится его демонический дух. Параллель самоочевидна: именно власть над всем миром обещал Сатана Христу, возведя Его на высокую гору и предложив в обмен лишь «падши» поклониться князю мира сего (Мф., 4, 8–9). Воспоминание Барона о вдове, которая нынче принесла старинный дублон, «но прежде / С тремя детьми полдня перед окном / <...> стояла на коленах, воя», негативно связано с притчей о бедной вдове, пожертвовавшей последний лепт на храм (Мк., 12, 14). Это перевернутое изображение евангельской сцены, но и сам образ Барона есть перевернутое изображение Бога. Он так себя и мыслит; золото для него — лишь символ власти над бытием. Деньги спят в сундуках «сном силы и покоя, / Как боги спят в глубоких небесах»; властвуя над ними, Барон властвует и над богами. Он много раз повторяет: «Я царствую!» — и это не пустые слова. В отличие от Альбера, он ценит деньги не как средство, а как цель; ради них готов терпеть лишения — не меньшие, чем вдова с детьми; ради них он победил страсти; он аскет в том смысле, в каком аскетом был Эпикур, ценивший не обладание, но сознание возможности обладания. (Недаром в его монолог включен Эпикуров образ «спящих богов».) Отец считает сына врагом — не потому, что тот плох, но потому что расточителен; его карман — это дыра, через которую может утечь святыня золота.

Но золото, ради которого побеждены страсти, само становится страстью и побеждает «рыцаря» Барона. Чтобы подчеркнуть это, Пушкин вводит в действие ростовщика Соломона, который ссужает бедного сына богача Барона деньгами и в конце концов советует отравить отца. С одной стороны жид — антипод Барона, он ценит золото как таковое; лишен и намек на «возвышенность» чувств (хотя бы и такую демонически-низменную возвышенность, как у Барона). С другой — «возвышенный» накопитель Барон готов унижаться и лгать, лишь бы не оплачивать расходы сына. Вызванный по жалобе последнего к Герцогу, он ведет себя не как рыцарь, но как изворачивающийся подлец; в «рисунке» его поведения полностью повторяется «рисунок» поведения Соломона в первой сцене

трагедии. И «рыцарский» жест (перчатка — вызов на дуэль) в ответ на обвинение во лжи, брошенное Альбером в присутствии Герцога, лишь резче оттеняет его полную измену духу и букве рыцарства. И финальное восклицание Герцога над телом внезапно умирающего Барона («Ужасный век, ужасные сердца!») в равной мере относится к обоим героям-антагонистам.